

Мария Вельская

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Мария Вельская

Змеиная академия.
Щит наследника

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В28

Серия основана в 2011 году
Выпуск 565

Художник
В. Успенская

Вельская М.

В28 Змеиная академия. Щит наследника: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 345 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3149-6

Она мечтала найти свой путь в новом мире, отыскать мать и раскрыть тайну рождения. Что ж, воины-змеи, завоеватели, оказались куда человечнее родного народа. Вот только все не так просто, как казалось. Полукровке без защиты нелегко в игре древнейших аристократов! Хотела учиться? Императорская академия вассалов примет ту, в чьей крови пылает запретный дар. Мечтала о друзьях? Получи в нагрузку еще и новую семью. А также заговор, ритуальные убийства и щепотку интриг. Любовь? Сложно не восхищаться принцем-змеем. Тем, кого боятся и ненавидят. Тем, кому поклянешься служить. И даже если ты против, экзамен на счастье уже начался.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Мария Вельская, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3149-6

ПРОЛОГ

Предают только свои.
Французская пословица

Тихий шелест страниц, длинные ряды полок, уходящие в темноту. В огромном зале нет окон, только магические светильники, плотно привинченные к стенам и потолку. Да и нужен ли свет тем, кто сюда допущен?

Он спешил — сегодня самая темная ночь в году, сегодня все жители столицы гуляют на улицах, празднуя день рождения императора. Сегодня его единственный шанс и последний, потому что больше его сюда не пустят, кузен уже начал что-то подозревать.

В темноте блеснули чуть светящиеся зеленоватым огнем глаза, и на мгновение в свете лампы мелькнула чешуя. Мужчина раздраженно зашипел, вода пальцем по строкам.

— Пятнадцатая секция, четвертая полка справа... Далеко!

Но идти или нет, вопрос не стоит. Такая мелочь ради... Какое счастье, что он не большинство жителей этого мирка, перед ним отступает благословенная темнота ночи, сверкая новыми гранями, сияют, мерцают, переливаются артефакты. Он добрался до стены и уперся в дверь, зло зашипев и невольно отдернув руку от полыхнувшей алым защиты. Какие глупости! Пальцы, дрожа, тянутся вперед, вытягиваются когти. Вот так, еще чуть-чуть. Подцепить заветную коробочку, прятанную в самом углу, и так же аккуратно вытащить ее из-под наложенного полога. Вернуть все, как было, и положить обманку. А теперь прочь, прочь отсюда, шеттас не дремлют, и если только у них появятся хоть малейшие подозрения...

При мысли об этом его охватывает дрожь. Он скользит прочь, растворяясь в сумерках. Нагрудный знак в виде сверкающего четырехлезвийного кшерта, пронзающего корону,

послушно ложится в паз, восстанавливая защиту. Теперь осталось лишь подняться на башню Таири. Он так спешил, что не заметил, как от стены отделились две тени, следуя за ним до самой западной башни императорской резиденции. Правда, когда мужчина, наконец, добрался до полностью освещенных коридоров, один из преследователей вышел на свет.

Он резко обернулся, вздрогнул всем телом, но страх тут же исчез. Зачем бояться? Губы сами раздвинулись в гордой улыбке. Ведь это лишь первый шаг. Теперь уже не будет вторых и третьих ролей!

Рука приблизившегося союзника резко взметнулась вверх. Он не смог увернуться, потому что не ожидал нападения и потому, что, вопреки собственному мнению, был слишком слаб. Кшерт пробил грудь насквозь, и тот, кто нанес удар, нагнулся над умирающим, резко выдергивая из его руки зажатую коробку.

— Голова, — тихо донеслось из коридора.

— Помню, — кратко бросил тот и, вытащив личное оружие предателя, хладнокровно воткнул ему в глаз. Сплюнув на окрасившуюся алым тунику, убийца развернулся, вытирая оружие. — Готов, можно идти, — почтительно склонил голову.

— Да. Предателю — смерть падали. Ни чести, ни ума, ни достоинства, — послышался тихий смешок из полумрака. — Уходим. Скоро здесь будет весело.

В коридоре воцарилась тишина. Только две первые луны освещали бледным светом оскверненное место. Впервые за многие сотни лет здесь пролили кровь. В империю пришли трудные времена.

*Империя Льяш-Таэ, столица Съяншэс,
императорский дворец
Спустя несколько месяцев*

Кабинет был погружен в полумрак, задернуты плотные шторы, только пара лучиков солнца словно тайком проникли в святая святых империи и теперь играли золотыми отблесками на стенах.

Большой удобный стол и кресло — уютное, но слишком уж напоминающее трон. Два небольших шкафа из темного дерева с книгами и артефактами и несколько стульев для гостей. Простая, элегантная обстановка, если только не знать, что дерево нилх растет лишь в одном месте — в княжестве Эрох, земле вампиров на западе империи, а книги и артефакты стоят

больше, чем доход нескольких суверенных земель. Впрочем, хозяин кабинета не выставлял роскошь напоказ и вполне имел право распоряжаться своими богатствами.

Черноволосый мужчина отстраненно смотрел перед собой и задумчиво вертел в руках магическое перо. Он ждал и, когда у двери раздался тихий перезвон, словно звенели колокольчики, провел пальцами по незаметно выступившей панели под столом, впуская посетителя.

— Ты долго, — лаконично заметил он, поднимая голову и как должное принимая поклон. — Что-то случилось?

Золотисто-алые глаза задумчиво осмотрели раннего гостя.

— Ничего важного, о чем вам стоило бы беспокоиться, мой император. — Кажется, или он чуть замялся?

— Тогда сними маску, мы здесь одни. — Император почти не повышал голоса, но сила, разошедшаяся волнами, заставила говорившего чуть поморщиться, согласно кивнув.

Медленно, словно опасаясь того, что может произойти, он стянул темную маску, расшитую серебром. Не хотелось даже думать, что сейчас будет. Император был непредсказуем, и как он отреагирует на подобную оплошность...

Тихий рваный вздох. Скрип когтей — от подлокотников полетела стружка. Зол, но не на него. Это облегчение, но отчего-то он чувствовал себя виноватым. И недостойно слабым, как когда-то в детстве.

— Иди сюда, Нир, — неожиданно мягко и почти спокойно прозвучал в наступившей тишине голос.

— Отец!.. — отчаянно-горькое в ответ.

— Хорошо же тебя разукрасили. И это называется теперь «ничего страшного»? — В спокойном голосе проскользнуло шипение.

Молодой мужчина легко опустился на пол, облачаясь о колени отца, и прикрыл глаза, запрокидывая лицо. Ловкие пальцы, уже лишившиеся когтей, осторожно прошли по длинному, уродливому шраму, пересекавшему лицо от левой брови до щеки. Кожа неприятно вздулась, воспаленная так, что левый глаз был полуприкрыт.

— В ране осталась магия, ты это понимаешь? Очередное покушение, Нир? Значит, так ты справляешься? — хлестнуло холодным тоном. Стальной взгляд заставил замереть и напрячься.

— Больше ни шагу без охраны, мальчишка! И... отзывай Илшиардена. Его работа по ту сторону портала закончена. Он

нужен нам здесь. Кроме того, от работы я тебя отстраняю, пока не докажешь мне снова, что ты достоин своего места. Не будь ты моим наследником... Но свое наказание ты еще получишь. А теперь иди. Идите, пока я не сделал что-то, о чем пожалею, ал-шаэ Нильяр.

На «вы» и по имени. Наследник плавно и быстро поднялся, низко поклонившись. Он не выразил ни тени недовольства, понимая, что в произошедшем была и его вина. Так глупо он не подставлялся со времен своей юности. И правда глупый, гордый мальчишка.

— Да, мой император... — Тихий шепот на грани слышимости.

Что ж, пора позвать на помощь того единственного, кого он назвал когда-то своим другом.

Часть первая УЧЕНИЦА

Глава 1 ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Удача сопутствует храбрым.
Александр Македонский

Пологие склоны горы Арашэх. Сегодня перевал через гряды Листийских скал утонул в пыли — по нему неукротимым маршем шла чужая армия. Знамена и штандарты победно развевались, и казалось, словно крылатый лайш — давно истребленная раса разумных змей, младших родственников драконов, — вот-вот сорвется с них и унесется в безоблачное небо, навстречу жарко палящему солнцу.

Сегодня война за королевство Райлдорт была проиграна, столица и Совет аристократов сдались на милость победителя. Кому-то прошедшая в кратчайшие сроки война принесла много горя, злобы, ненависти — ведь расставаться с титулами, безграничной властью, а то и жизнью надменным аристократам вовсе не хотелось. Райлдорт был самым южным королевством Таэра, отделенным от основных земель огромной пустыней, и поэтому неудивительно, что на помощь никто не пришел.

Впрочем, было бы странно, если бы кто-то все же пришел, — едко усмехнулась про себя Дейирин, внимательно наблюдая за появившимся арьергардом. Острое зрение привычно вычленило сверкнувший штандарт, и девушка чуть приподняла брови от удивления — на этом змее сверкала корона, да и вообще он был весьма человекоподобным, что ли. В руках он сжимал странное, но весьма угрожающее оружие на длинной рукояти.

Неужели это королевский штандарт? То есть императорский — поправила она себя, с любопытством нависая над дорогой. Огромные кусты зацветшего кустарника парро идеаль-

но скрывали ее от чужих глаз, а натертая кин-травой кожа не давала запаха. Впрочем, она вовсе не собиралась играть в диверсанта и пытаться совершить самоубийственную атаку на командование захватчиков. Напротив, если бы кто-то спросил ее, она бы их искренне поблагодарила. Пальцы задумчиво погладили тонкое лезвие ее единственного дозволенного оружия и единственной улики — великолепно сделанного ножа из «темной» стали с полустертым клеймом. Ножа, который она обнаружила в комнате матери в день, когда та бесследно исчезла.

Дейирин рассеянно посмотрела на дорогу и замерла, затаив дыхание. Рядом со штандартом, который бережно нес высокий светловолосый чужак, на какой-то странной твари о четырех ногах ехал всадник, закованный в легкие пластины чуть светящихся доспехов. Но больше всего ее внимание привлекло другое: всадник проехал прямо под выступом скалы, и Дейи заметила теперь не только три изящных браслета на руке, соединенные в один, но и длинные волосы цвета белого золота, собранные в какую-то невероятно сложную и странную прическу. Боевая — машинально отметило сознание, привычно выхватывая из общей картины прячущиеся в чужих волосах шипы.

Такой косой можно убить или тяжело ранить. Очень старая прическа, у них уже давно считалась слишком архаичной. То-то, видимо, войска и гвардия короля, вооруженные в новом стиле и возглавляемые лично луноликим, были разбиты в пух и прах той, кого они так презирали, — женщиной! Она жадно впитывала в себя облик вражеского полководца, подмечая и привычно уверенные жесты, и команды, отдаваемые на чужом языке негромким, холодным голосом, и то, с какой скоростью повиновались ей подчиненные. Вот она, мечта. Так близко... Войска прошли дальше, и, не дожидаясь, когда арьергард скроется из виду, Дейирин поспешила возвратиться. В оккупированном уже почти месяц городе все еще была напряженная обстановка, и комендантское время начиналось с третьей джиды до полуночи.

Впрочем, лечь спать, как того хотелось утомленной долгим днем девушке, не удалось. В дверь постучали, но тихо. Значит, это не солдаты нового гарнизона. Но кто тогда осмелился нарушить покой в такое время, рискуя привлечь чужаков? Что за самоубийца? Дейи прикрыла рот, сглатывая зевок, и поспешно переделась. Теперь она, вопреки всем прежним пра-

вилам, одевалась только в мужскую одежду, впервые за долгие годы чувствуя себя хоть немного свободной.

Разум все еще захлестывала злость — она ненавидела это место так сильно, как это было только возможно, и если бы только знала что-то важное, ни на мгновение бы не сомневаясь, рассказала бы все захватчикам. Для нее они были спасителями — от участи завернутой в шелка с ног до головы покорной и послушной куклы в руках у какого-нибудь богатенького извращенца, решившего приобрести себе новую наложницу. Лун Кермет уже намекал ей, встретив на гуляньях, и с каждым месяцем намеки становились все настойчивей. В последние недели перед атакой чужаков она боялась выходить из дома. Хоть и приходилось выбираться вечером на сиделки, чтобы не дать повода себя заподозрить и не волновать мать.

Пальцы привычно проверили пояс с оружием, укрывая его теплым плащом. Стук стал сильнее, и, недовольно поморщившись, Дейирин поспешила на первый этаж.

— Кто? — коротко поинтересовалась, стараясь задавить непонятное, тревожное чувство.

Дом стоит на отшибе, в конце улицы, фонари здесь не светят, да и сейчас магэнергия идет с сильным перебоем...

— Рин, открой! — Этот тихий, затравленный голос она узнала сразу, облегченно вздохнув. Олейна Шартан, ее единственная близкая подруга.

Лязгнули три засова, осторожно отодвинулась цепочка. Уже открыв дверь, Дейирин раздраженно заметила, что подруга не одна, а в компании двух здоровенных бугаев. Впрочем, затравленной или испуганной она не выглядела, явно чувствуя себя в их обществе вполне комфортно.

Девушка молча посторонилась, впуская компанию в дом. «Слишком спокойные. Особенно для тех, кто знает, чем грозит быть застигнутым на улице в такую позднюю джиду. А еще злые. Слишком наглые, самоуверенные, явно слушающие только себя. Определенно, дорогая, во что-то ты вляпалась», — ехидно заметила интуиция. К тому же где-то она их видела, определенно видела, и не при самых благоприятных обстоятельствах.

— Что вас сюда привело так поздно? Лей, тебе не кажется, что время не слишком подходящее? Что на тебя нашло? — Дейирин все еще старалась говорить спокойно, не обращая

внимания на хозяйские взгляды придурков с одной извилиной в голове и обращаясь только к Олейне.

— А что, байстрючье отродье, мы для тебя уже недостаточно хороши, чтобы заговорить? — Голос одного из них был неожиданно низкий, негромкий, но полный такой ненависти, что в первое мгновение Дейирин просто растерялась.

— Оскорблять хозяина дома — на это нужно много смелости, впрочем, сие слово, я вижу, вам не знакомо, — заговорила она медленно и осторожно, словно боязливо, опуская руку под плащ.

— Что с ней церемониться, Джи! Хозяин давно уж приказал доставить ее к нему. Проведет пару деньков с нами, сразу гонора поубавится. Хороша... — Дальнейшие эпитеты ради своего душевного здоровья Дейи предпочла пропустить мимо ушей.

Судя по всему, извилина у них в голове действительно одна. На двоих.

Вот только эта реплика подействовала не хуже удара под дых. Разум, на мгновение затуманенный паникой, прояснился, обретая холодную четкость. «Как ты хочешь стать воином, если ведешь себя словно безмозглая курица? Так-то ты достойно отвечаешь за оскорбление памяти отца и матери?»

Склоненная в страхе голова. Румянец на щеках — то ли гнева, то ли смущения. Спасибо, Олейна, за науку. Вот ее любимое выражение лица: ухватиться свободной рукой за кончик косы, сверкнуть полными слез и страха глазами... Легко изобразить, когда просто давишь эти чувства в себе, даже придумывать не надо. Любая ошибка будет так дорого стоить!

«Гнев убивает, дочь, как и страх. Всегда оставляй голову ясной. Помни, даже в самой безнадежной ситуации нужно бороться. Все закончится только тогда, когда ты сдашься, но тогда это будешь уже не ты»... — И озаренные каким-то внутренним светом и силой янтарные глаза матери.

Прочь, горечь от предательства, обида, гнев и страх! Она выживет. Потому что ее есть, кому ждать, ей есть, ради чего жить.

— Лейни, да что же они говорят? Зачем привела ко мне таких хамов? — тихо и жалобно.

Как хорошо, что не желая напугать подругу, она никогда не раскрывалась перед ней полностью, не показывала свою натуру, не рассказывала о своих мечтах и желаниях, разве что вскользь. Но, видимо, и этого оказалось достаточно. Хоро-

шенькое круглое личико с первыми следами полноты искази-лось в некрасивой гримасе.

— Ты язык свой придержи, дура! Я тебе не «Лейни», а бу-дущая луноликая госпожа! И господин мой Кермет из тебя, шлюхи да предательницы, выбьет весь гонор! За счастье бу-дешь считать приблизиться к нему!

Она срывается на визг, брызжа слюной так, что Дейи не-вольюно пятится прочь, чуть не попадая в объятия одного из тяжело дышащих и жадно оглядывающих ее ладную фигуру уродов.

Теперь все становится понятней... Как она проглядела за-висть? Как не поверила матери, словно видящей всех на-сквозь? Думала, что уже достаточно умна и сильна, а попа-лась, как наивный ребенок. Хотелось верить в дружбу, в иск-ренность, в порядочность. Но ничего этого нет. И сердце словно покрылось коркой. Ноги занемели на миг, но это все и решило — тот, что с развороченным носом, схватил за косу, пытаюсь намотать ее на руку так, что из глаз текут слезы. Пот-ная грязная рука схватила за грудь, и в голове все мутится.

— А можа сейчас прям и развлечемся? — хриплый смешок и шаги.

Подойдет второй и... К горлу подкатывает тошнота, и она громко, пронзительно кричит так, что в ушах стоит гул, и чу-жая хватка ослабевает на пол-эстари. Этого оказывается дос-таточно. Дрожащие пальцы смыкаются на потеплевшем ору-жии, нанося самый жестокий и подлый удар — меж ног. Кровь заливает и ее, и оседающего у ее ног джаббе¹. Раздается какой-то глухой звук — толстушка мешком падает на пол, тормозя второго нападающего. Единственный шанс.

Дейи швыряет второй кинжал не глядя, понимая, что уже не сможет его забрать, и кидается прочь, рывком распахивая окно. От удара рамы об стену стекло трескается, рана оскол-ками, но это такие пустяки, что можно не обращать внимания. Прыжок — и она на улице. За спиной раздается злой рев, фо-нари тревожно мигают, но она специально кидается прочь с дороги, петляющей меж домов. Лицо и руки заливает кровь, кружится голова и сбивается дыхание, но это все не важно. Есть только одна-единственная цель — выжить. Къярш жжет

¹ Д ж а б б е — наемник самой низшей категории, фактически уголовник из низов, не брезгующий никакой работой. — *Здесь и далее примеч. авт.*

руку, но она уже не видит, как на лезвии клинка на мгновение проступают чуть светящиеся буквы чужого языка.

«Будьте вы прокляты. Грязный город, мерзкая страна. Прозябающие в пустоте твари. Вы, не стоящие и слезы моей. Отрекаюсь...»

Знала ли она, что судьба совершит крутой поворот и уже спустя несколько джид беглянка официально произнесет эти слова? Что путь к заветной мечте будет открыт, но устан отнюдь не розами? Судьба щедро одаряет своих избранников, но и испытывает их как никого другого.

Глава 2 НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Для того чтобы управлять миром, нет иных секретов, кроме того, чтобы быть сильным: сила не знает ни ошибок, ни иллюзий.

Наполеон Бонапарт

«Прочь-прочь-прочь», — выстукивают в голове навязчивые молоточки. Как же глупо, мерзко, противно. Ноги оскальзываются на мокрой, развороченной боями земле, и Дейи чуть не падает — едва успевает схватиться рукой за ветку дерева. За спиной пока тихо, но страх гонит вперед. Ледяные пальцы вцепились в рукоять кьярша так, что побелели от напряжения.

Куда теперь идти? Что делать? Сердце бьется заполошно, дышать тяжело. Растрепанные волосы хлещут по лицу. А вот и переулок, ведущий к центру города. По нему идти или рискнуть и свернуть на главную дорогу? Не хватит ли с нее неприятностей? Дейирин опустила голову, прижавшись спиной к стене. Мокрая после дождя, та приятно холодила, позволяя разгоряченному схваткой разуму успокоиться. В тусклом свете ночных фонарей клинок зловеще отливал бордовым. Кровь. Дура, клинок нужно вытереть, иначе повяжут на первой же улице! Суматошные мысли мелькнули и пропали. Накатила апатия. Она медленно наклонилась, отрывая кусок от порванной рубашки и стараясь не дрожать от холода. Плотная ткань медленно стирала уже начавшую присыхать кровь. Не думать. Ни в коем случае не думать, иначе она останется

здесь. Она убийца или жертва? Что скажут имперцы, ведь им наверняка сообщат о происшедшем.

Она была просто не в состоянии мыслить здраво, она училась сражаться, но вот убивать... убивать она не училась. Поэтому для собственного спокойствия она будет считать, что тот ублодок просто тяжело ранен, пусть рефлексы и память подсказывают ей совершенно другое. Окровавленную тряпицу остается только сунуть в кармашек на поясе, оставлять такую улику просто нельзя. Вот только как появиться на людях с клинком наголо?

Наверное, она бы сделала куда большую глупость, вот только Провидение распорядилось по-иному. Из переулка вышел отряд из девяти человек. В полутьме особенно ярко у каждого на предплечье светились толстые гербовые браслеты¹. Дейи не успела даже испугаться, как почувствовала осторожную, но твердую хватку на своей руке.

Она хотела было рвануться, но внезапно сковывающий душу страх словно отступил, оставляя лишь легкий осадок и пришедшее ему на смену спокойствие. В отличие от липких грязных рук джаббе, эти руки поддерживали, не давая упасть разом ослабевшему телу. Почему так спокойно и совсем не страшно? Ведь это чужак, заставший ее с обнаженным оружием, окровавленную посреди улицы...

Но словно в ответ на ее вопросы, руки разжались, позволяя отступить на пару шагов и чуть придерживая за локоть.

— Алли, что вы делаете здесь, в такое время, с оружием в руках? — У мужчины оказался чуть хриловатый, низкий тембр голоса и странный, немного шипящий акцент. — Вы знаете правила комендант-джиды?

Как глупо... Вот так глупо все закончится? Почему он только так любезен? — лениво переползали мысли. Почему-то не было сил открыть рот, хотя она честно пыталась. Но вырвался только тихий, надрывный стон, больше похожий на скулеж.

Ее тут же схватили за плечи, повернув, словно куклу. В ровном свете мелькнули острые скулы, нос с небольшой горбинкой и глубоко посаженные глаза. На миг показалось, словно зрачок сузился в тонкую полоску, а в следующий момент —

¹ Браслет воина регулярной императорской армии есть как у солдат, так и у офицеров. Отличаются по форме, размеру и узору, у офицеров, как правило, индивидуальному.

что зрочка и вовсе нет, и глаза эти затянуты прозрачной голубоватой пленкой.

— У нее шок. Шайсс! — Тихая ругань, судя по интонации.

— Дан, кровь чья?

— Какого-то идиота, — тихое хмыканье. Откуда им знать?

— Что делать будем?

Звуки вокруг начинали расплываться, и непонятно, услышала она или просто показалось, когда в темноте раздалось тихое:

— Отнесите ко мне в дом. Неужели вы не видите, Амриш? Она не из этого народа. Жемчужина в стаде свиней...

Чье-то хмыканье. Пальцы, держащие оружие, разжимают, а ее легко подхватывают на руки... и, наконец, смыкается благословенная темнота.

Сколько она пробыла в вязком сне, трудно сказать. Она бежала по пустынной улице, раз за разом отбивалась от чужих липких рук, смотрела, замерев, на искаженное лицо бывшей подруги. «Я убила. Должна ли я была так поступить? Есть ли ответ на этот вопрос? Чего стоит чужая жизнь?» Миллион вопросов и нет ответа. Жестокий урок и тяжесть принятого решения.

Короткий росчерк неведомых рун вспыхивает перед закрытыми веками, перечеркивая сон, ломит глазницы, и ее словно выбрасывает на поверхность. Слышно собственное неровное дыхание и виден свет, пробивающийся сквозь закрытые веки. Уже день? Неужели она вчера уснула с раскрытыми шторами? Дейирин пытается приподняться, но тело не слушается, накатывает слабость и какая-то разбитость... И тут воспоминания обрушиваются лавиной. Стук в дверь и подруга. Громилы-посланцы, предательница, бой, бегство.

Теперь глаза распахиваются сами собой, и приходится их зажмурить — вся комната залита ярким дневным светом. Комната не ее определенно. И никого из известных ей знакомых — неужели этот мерзавец ее все-таки захватил? Но в таком случае вряд ли бы она находилась в таком уютном месте — строптивых рабынь и наложниц предпочитали хорошенько проучить. Пальцы невольно скользнули по телу, откидывая легкое одеяло. Она была одета в странного вида пижаму: шелковая кофта песочного цвета с длинными рукавами и мягкие узкие штаны. Как ни странно, было комфортно и не жарко. И что уж скрывать — ткань была роскошна; за всю жизнь

ей, наверное, не приходилось держать такую в руках, не то что носить.

Дейи осторожно села, продолжая осматриваться. Прозрачно-зеленоватые стены, несколько больших горшков с зелеными растениями, прикроватный столик, два кресла у стены и высокий комод. Строго, дорого и просторно. И к тому же спальня не была безликой — вон на столике стоит небольшая ваза с одной только-только расцветающей флореей, лежит открытая книга. Девушка не удержалась — потянулась, ухватив кончиками пальцев твердую обложку, подтягивая ее к краю столика и затаскивая книгу на постель. Впрочем, ее ожидало разочарование — язык был незнаком, имя автора ничего не говорило, но... Глаза выхватили знакомую змею в круге на форзаце обложки. Только здесь она была увенчана короной. Вернее, две змеи подпирали собой старательно прорисованный щит.

Патруль. На мгновение словно весь воздух из тела выпустили, так стало страшно. Порой стремишься к чему-то, искренне веришь — вот оно-то будет к лучшему! А потом достигаешь предела и не решаешься шагнуть за черту. Стремилась к имперцам? Добро пожаловать! Патруль ее подобрал и, судя по всему, обвинения предъявлять ей не будут. Если, конечно, у имперцев нет привычки сначала дать своим пленникам расслабиться в роскошной обстановке и растерять последние мозги. «Судя по прошлой ночи, мозгов у тебя не больше, чем у этих амбалов». На мгновение накрыла дурнота и отпустила. Вместо страха и отвращения нахлынуло какое-то радостное предвкушение, какое она не испытывала с того момента, как мать вручила ей отцовский клинок, торжественно разрешив пользоваться настоящим оружием.

Мягкие золотистые лучи разбегались по комнате, заставляя довольно жмуриться, подставляя им лицо. Спокойно. Свободно. Безопасно. Не хотелось ни о чем думать, лишь отринуть все заботы, улыбнуться, не ощущать больше давящей тяжести на сердце. Новый день и новая жизнь. Безграничная красота мира, которая, кажется, теперь, после смертельной опасности, ощущалась еще ярче.

Дейирин покачала головой, улыбнувшись. В окне отразился смутный силуэт. Среднего роста, стройная и подтянутая, даже жилистая — благодаря тренировкам — фигура, не девичьи резковатые черты лица и ее гордость — багряно-алые с золотистыми проблесками волосы, наследство от матери.

Интересно, ее радушные хозяева придут поинтересоваться своей неожиданной гостьей, или ей предстоит выйти к имперцам самой? По коже невольно пробежали мурашки и застыли пальцы. В дверь осторожно постучали и, дождавшись от нее ответа, вошли. Молоденькая девушка, наверное, лет семнадцати на вид, присела в поклоне.

— Алли, ясного утра. — На румяных щеках появились очаровательные ямочки. Девушка была явной имперкой — светлая кожа, большие глаза, светлые, почти золотистые волосы — для Райлдорта оттенок просто немыслимый. — Меня зовут Линья и, мне велено вам помочь и проводить к завтраку. — Она словно светилась от гордости за такое важное поручение.

Дейи поймала себя на мысли, что девушка понравилась с первого взгляда. Светлая настолько, что от нее буквально исходило доброта и тепло. Не то что женщины юга, где в последней оборванке было столько высокомерия, сколько не сыщешь в иной госпоже.

— И тебе ясного утра, — ответила на общеимперском с легким акцентом. Как же хорошо, что она не поленилась его выучить еще два года назад. Заметив легкое удивление служанки, Дейи невольно улыбнулась в ответ. — Мое имя Дейирин. Благодарю, что позаботились обо мне, Линья. А почему ты обратилась ко мне «алли»? Это что-то значит? И не удивляйся так — ваш язык я выучила еще в начале войны. Моя мама — слова давались с трудом — считала, что знания никогда не бывают лишними.

— Ваша мать мудрая женщина, — тепло улыбнулась служанка в ответ. И на эстари показалось, что эта девушка неизмеримо умнее и проникательнее, чем хочет казаться. Или это просто приобретенная паранойя? — Вы очень хорошо говорите на нашем языке для человека, у которого не было практики. А «алли» — это обращение к девушкам незнатного происхождения. Позвольте, я помогу вам одеться.

Какая быстрая! Дейирин невольно тихо рассмеялась, заражаясь льющимся от собеседницы энтузиазмом. Платье было подобрано по имперской моде. И тот, кто этим озаботился, обладал превосходным вкусом. Светло-голубое, с серебристым шитьем, оно великолепно подходило под цвет глаз. Узкая сверху юбка расширялась солнцем к низу, а лиф переходил в легкую воздушную тунику. На плечи служанка набросила шаль. Кроме того, Линья оказалась изрядной упрямецкой и вместо обычной косы заплела-таки волосы в какую-то слож-

ную прическу, возмущенно заявив, что «не позволит такую красоту прятать».

Всего несколько шагов до высокого, вставленного в дверцу шкафа зеркала. Дейи почувствовала, как на миг ушел пол из-под ног. Слишком дорого. Слишком роскошно. Она в жизни никогда не носила ничего подобного! Но ей понравилось. Эта девушка в зеркале не была забитой «байстрючкой», почти бесправной и бессильной. Во взгляде, жестах, осанке вдруг появилась сдержанная уверенность в себе и своих силах.

— Лини, спасибо! Ты просто чудо! — Она порывисто шагнула к девчужке, крепко ее обнимая, и только тут заметила острые ушки, выглядывающие из-под копны волос. Подавив недостойный порыв тихо взвизгнуть — исключительно от восторга, — Дейирин осторожно протянула руку, коснувшись нервно дернувшегo уха.

Лини тихо фыркнула, блеснув глазами, и осторожно высвободилась.

— Алли никогда не видела альвов? Впрочем, ведь на вашем материке их нету. — В глазах альвы вдруг проскользнуло тенью нечто, и Дейи внезапно поняла, что ее вряд ли можно назвать «девчужкой», если легенды правдивы.

— Прости, Лини, — отозвалась смущенно. — Я не сдержалась и повела себя глупо. Просто ты... — так трудно бывает подобрать слова! — ты как сказка, понимаешь? Чудо, мечта, вдруг ставшая явью.

— Надеюсь, что все ваши мечты осуществляются столь же легко и быстро, алли Дейирин. — Маленькая ладошка накрыла ее ладонь. — Идемте, высокая госпожа ждет вас.

— Лини, стой!

Что еще за госпожа? Она думала, что ее сейчас, наконец, проводят к офицеру патруля, который ее наверняка сюда и принес. Вот что значит растеряться в незнакомой обстановке, даже спросить ничего не успела.

— Вам не стоит тревожиться, Дейирин. Обращайтесь к госпоже «дана». Представится она вам сама. Сейчас вы в доме госпожи, и вам совершенно ничего не грозит.

Может быть, было глупо вот так поверить совершенно незнакомой нелюди, но Дейи чувствовала к ней странное доверие. Магия? Вряд ли. Мать всегда говорила, что от чужеродной магии она защищена неплохо, и не верить ей причин нет. Да и к чему имперцам применять к ней магию? Она не на-

столько важная персона, чтобы ради нее разыгрывать подобный спектакль.

Хотя, конечно, странно, что приняли ее так роскошно. Платье действительно было великолепным, но чем дальше, тем более неловко она себя чувствовала. «Лучше уж мундир», — мелькнула предательская мыслишка. Мундир... Чувство принадлежности, ощущение защищенности. Осознание себя частью огромного единого механизма. Не важно, будь то армия, служба внутреннего порядка или отдельный отряд. Воспитанная в стране, где одна принадлежность к женскому полу стала для нее символом унижений и разбитой жизни, она мечтала все изменить. Хотя платье все равно прекрасно. Удивительно, насколько раскованны, наверное, имперские женщины. Неужели все слухи правдивы?

Дом неведомой госпожи оказался прекрасен. Высокие потолки, светлые тона, много зелени. То незримое величие в простоте, что отличает людей, искренне уверенных в себе и своих поступках, обладающих чувством собственного достоинства и глубокого покоя. Ох! Тут еще и охрана на каждом углу. В душе начали зарождаться смутные подозрения. Женщина в армии? Достаточно знатная и занимающая явно высокое положение в командовании. Неужели...

Додумать мысль она просто не успела. Высокие резные двери с растительным орнаментом распахнулись, открывая взгляду не слишком большой, вполне уютный зал. За круглым столом, заставленным блюдами, сидела одна-единственная женщина, которая быстро вскинула голову и плавно поднялась при их появлении.

— Дана, алли Дейирин прибыла по вашему приказу, — тихо прошелестела Линья, склонившись в глубоком поклоне.

— Дана... госпожа... — Дейирин присела в глубоком поклоне, надеясь, что ноги ее не подведут. В горле от волнения, страха и восторга встал ком. — Примите мое глубочайшее уважение и искреннюю благодарность!

— Вот как? — Женщина чуть изогнула бровь, одним жестом выказывая удовлетворение, смешанное с толикой иронии. — Девочка, мне приятны твои слова, не скрою, но, похоже, ты знаешь меня? Не думала, что я стала уже настолько популярной персоной, только появившись в этом городе.

Госпожа командующая императорской армией задумчиво теребила что-то в руке, смотря чуть раскосыми алыми глаза-

ми. Не так Дейи представляла эту встречу. Вернее сказать, представить-то она себе ее вообще не успела.

— Алли Дейирин... — У имперской леди оказался удивительно приятный, глубокий голос, в котором проскальзывали властные нотки. Ни презрения, ни раздражения не было слышно, зато в живых, блестящих вишневых глазах читалось искреннее любопытство. — Я рада, что мои люди смогли помочь вам. Как вы себя чувствуете? Садитесь. — Легкий взмах в сторону второго стула, и леди вернулась на свое место.

— Благодарю, дана.

— Простите мою бестактность, алли. Мое имя Сиаллиа Льяшэсс и можете обращаться ко мне по имени.

Кажется, ей только что оказали милость, но с чего бы? И еще бы понять, почему знатная дама ставит себя настолько вне любых традиций?

— Благодарю, дана Сиаллиа, — как можно более чисто выговорила Дейирин непривычное имя, — я чувствую себя практически превосходно. Только... — Она на мгновение замаялась. Лгать и недоговаривать таким людям, к тому же выручившим ее в тяжелую минуту и лично ей симпатичным? Лучше откровенно задать волнующие ее вопросы.

— Почему ваши люди помогли мне, а не арестовали? Ведь я нарушила ваш закон, к тому же я... я убила. — На сердце стало страшно и тоскливо, но усилием воли она отогнала любые сожаления. — И вы не могли этого не понять.

И была вознаграждена за честность тихим, необидным смехом. Лицо даны Льяшэсс озарилось светом улыбки, полные алые губы приподнялись, подрагивая от смеха.

— Простите, алли. — Женщина взяла себя в руки и теперь внимательно смотрела прямо на Дейи, чуть склонив голову, как царственная птица. — Ваша прямота делает вам честь, я просто отвыкла от искреннего выражения мыслей.

— Вам я лгать не хочу. Я не так хороша, не нужно похвалы, которой я не заслуживаю. — Трудно вот так твердо ответить. Как только смелости хватило? Или наглости?

— И я ценю это, поверьте. — Еще один внимательный взгляд. — Я отвечу на ваши вопросы, а взамен вы ответите на мои. Вполне равноценный обмен, не находите? — В пугающе алых глазах вспыхнули искры азарта.

Отчего-то этот так странно начавшийся разговор завораживал Дейирин все больше. То же сражение. Только здесь сталкивается не оружие, а сражаются умы. Уход, пережат, от-

ступление. Снова столкновение. Почти дружеская проверка сил. Как же она по такому соскучилась! Разумеется, она вовсе не считала себя равным противником, но то, что ей позволяют считать себя почти таковой и льстило, и вызывало жгучую благодарность, и желание соответствовать.

— Без сомнения, дана! — Она знала, что в ее глазах сейчас вспыхнул тот же огонь.

— Очень хорошо, но не стоит пренебрегать пищей телесной, алли. Вкусной пищей. Поговорим после завтрака. — Леди главнокомандующая словно приподняла свое забрало, продолжая улыбаться, но Дейи обольщаться не спешила.

Впрочем, еда стоила того, чтобы ее отведать. Почти все блюда были незнакомы, довольно просты на вид, но вкусны необычайно. В кои-то веки что-то не пересоленное, не пережаренное и не жирное. Видимо, поэтому все имперцы такие стройные, не то что ее соотечественники. Уже уминая за обе щеки свежий яблочный пирог, стараясь не забывать при этом об этикете и аккуратности, запивая его прохладным травяным взваром с мягким ароматом пряностей, она старалась упорно не думать, к чему приведет столь повышенное внимание подобной особы к ее судьбе.

— Пока вы доедаете, позвольте я отвечу на ваш вопрос, — негромко проговорила дана Льяшэсс, принимая поданную Линьей салфетку и жестом отсылая ее. Теперь в зале остались они одни. — Хотя вы недоговорили, я примерно представляю, что еще вы хотите спросить. Итак, первое... — Женщина задумчиво крутила в пальцах серебряный столовый нож, да так быстро, что он почти размывался в воздухе. — Практически каждый знатный гражданин империи в той или иной степени обладает магией, как вы уже, наверное, понимаете. У представителей знатных родов есть свои секреты, а все офицеры, как правило, принадлежат именно к знати. Впрочем, вам повезло и в том, что той ночью я решила провести инспекцию гарнизона и натолкнулась на патруль, который обнаружил вас. Кровь была не вашей, вы были смертельно напуганы, и от вас пахло мужчиной.

— Что? — поперхнулась как раз допивающая травяную взвесь с доньшка стакана девушка. — Каким еще мужчиной? — На щеках вспыхнул румянец — и стыда и отвращения. Почему именно «пахло», и как это вообще можно было определить, она спрашивать не стала — просто оставила мысль на потом.

— Мужчиной, который на вас напал, — повелительным жестом приказав ей молчать, продолжала блистательная госпожа. — Это стало причиной, впрочем, не единственной, по которой я приказала отнести вас в свой дом. Вы особо не скрывались, поэтому моим людям не составило труда отследить ваш путь, к тому же на вашего преследователя наткнулись еще по дороге, и наши подозрения подтвердились. Его поделщик жив, подлечен по необходимости, и сейчас оба они находятся в тюрьме. Но кроме них в вашем доме была еще женщина. Еще одна пострадавшая? Хотела уточнить у вас. Дом, в котором она проживает, вычислить легко, но, возможно, эта девушка будет не столь счастлива увидеть на своем пороге императорских дознавателей, а?

Короткие, отрывистые фразы. Видимо, так она привыкла и отдавать приказы, и говорить со своими подчиненными. Краткость — привычка военных людей.

Дейирин невольно усмехнулась в ответ. «Не очень счастлива» — весьма тонкое определение для состояния Олейны. Сейчас, наверное, сидит в доме и трясется от страха, боясь взглянуть лишний раз. Или побежала к своему луноликому жаловаться, что сделка провалилась. А ведь они могут ее искать! — пришла в голову ужаснувшая мысль. Почему нет, если, по их мнению, деться ей некуда, а за такое обращение с женщиной по бывшим законам королевства ей стоит отрубить руки по локоть? И они не так уж и не правы — ведь не век же ей в этом доме сидеть?

Видимо, на ее лице что-то все же отразилось, как ни пыталась Дейи выглядеть бесстрастно, потому что собеседница подалась вперед.

— Я так понимаю, вы знаете, о ком идет речь? И, судя по всему, эта девушка ваша знакомая? Именно поэтому нет следов взлома? Вы сами впустили их в дом?

Чем больше дана говорила, тем ярче вырисовывался собственный идиотизм. Мало тебя жизнь была, дура!

— Моя бывшая подруга Олейна привела их с собой. Она часто забегала ко мне ночью, и я подумала, что у нее неприятности. А она... привела ко мне наемников луноликого.

Слово за слово Дейи рассказывала о том, что случилось, иногда отвечая на дополнительные вопросы имперки, иногда добавляя что-то от себя и стараясь не думать. И рассказывать все отрешенно и бесстрастно, словно речь шла не о ней. Правда, это не слишком удавалось. Неприглядная картина рисова-

лась во всей красе. И когда, подняв голову, Дейи увидела на мраморно-белом от гнева лице имперки отвращение, она испугалась, что ее сейчас возьмут под стражу.

От резкого удара рукой по столу задребезжала посуда.

— Какая мерзость! Творить насилие над женщиной, унижать ее, держать за вещь и считать это в порядке вещей! Поганный город. — Голос звучал бесстрастно, но затягивал, словно зыбучие пески.

Значит, злость не на нее?

— Я ненавижу эту страну, госпожа. Я чувствую себя в ней лишней. Единственная, кто понимал меня, была моя мать, но она исчезла несколько недель назад. — Несмотря на мысль о предательстве, она впервые почувствовала облегчение.

— Это она научила вас разговаривать на тайтэ и так обращаться с кьяршем? Кстати, откуда он у вас? Вы знаете, что этот клинок родом из империи Льяш-Таэ?

И снова слишком много... Она только слабо кивнула, пытаясь справиться с нахлынувшим шоком и странным волнением в душе. Клинок отца. Клинок родом из империи, так легко и быстро завоевавшей это проклятое королевство. Империи, где царят совсем другие порядки. Оттуда ли родом отец?

— Кьярш. Да, я знаю это слово. И клинок и знания передала мне мать, но клинок принадлежал отцу.

— Полагаю, бессмысленно спрашивать, где он?

— Полагаю, да, дана. Он исчез до моего рождения, скорее всего, он даже не знал, что мать беременна. Но она говорила, что он ее истинный, и поэтому она точно знает, что он жив, — неохотно повторила мамину сказку Дейи.

Сказку — потому что не ощущала чувств матери к неведомому отцу. Вернее, кое-что было, но разве страсть и расчет — это любовь?

Тем сильнее удивил ответ.

— Истинный? — почти вскрик. Первая по-настоящему яркая реакция. Недоумение, настороженность, интерес — и какая-то жесткая решимость. — Ты понимаешь, что это значит, девочка? — От волнения женщина перешла на «ты», но это, пожалуй, осталось единственным знаком, она безупречно владела собой. — Не понимаешь, — правильно истолковала она ответное недоверчивое молчание. — Истинные пары — те, чьи судьбы сплела сама великая богиня Унмей. Она едина для всех миров, и именно в ее чертогах стоит арфа Судьбы, которая сплетает наши нити. У истинной пары единая нить, еди-

ная жизнь на двоих. Фактически они единое целое. Это величайший дар и проклятие. Истинные живут в несколько раз дольше других существ, обладают огромной магической силой при условии, что ею владеет хотя бы один из супругов, они всегда знают, что друг с другом. И говорят, что даже сквозь миры действует их связь. Правда, это не то, что ваша любовь с первого взгляда. Это вообще не всегда именно любовь, но всегда очень сильная и глубокая связь, совпадение сил, а чувства — это уже зависит от самой пары.

— Это все не сказки? — вырвался только ошарашенный шепот. Голова закружилась, стоило только представить, что отец не бросил их, не мог бросить, если он был действительно этим самым истинным для матери.

Если считал себя таковым... Кажется, тут все гораздо сложнее, чем можно подумать на первый взгляд. Но не стоит слишком сильно раскрываться перед незнакомкой.

— Это правда. А еще — истинные редко встречаются у людей. И судя по твоему цвету волос, твоя мать не была человеком. Она не из этой страны, верно?

Эта женщина определенно умела задавать нужные вопросы, но, снявши голову, по волосам не плачут.

— Она никогда не говорила мне правды, но я слышала, что на краю Канийской пустыни, на северо-востоке, живут духи пустыни. Их еще называют кирино. У них алые, словно кровь песка, волосы и глаза цвета солнца. — Голос невольно окреп, в нем появились певучие интонации, за которые так любят сказителей. — Они не любят людей и пропускают караваны только по определенной договоренности. Кирино — практически единственные сильные маги на нашем континенте и, говорят, сильные воины. Когда-то они доверились людям, и рынки заполнили рабы и рабыни с алыми волосами, которых браджерские колдуны из-за гор охотно начали поставлять в королевство в обмен на кровь духов пустыни.

Дейирин замолчала. Мать действительно рассказывала ей очень странные, порой невероятные истории, которые она нигде больше не слышала. Было ли это правдой? И если да, значит, все эти люди не только работорговцы, лживые, порочные и наглые, но преступники, повинные в тысячах смертей невинных существ, считавших их своими друзьями? Впрочем, по легенде кирино нашли, как отомстить. Руины погребенных под песками на границе нынешнего королевства городов до сих пор служат уроком для алчных правителей.

— Очень интересные сведения. Я полагаю, тогда вас не удивит, что вы, судя по всему, достаточно сильный маг?

Она? Маг? Но у нее же никогда... Может, раздуться от гордости? Дейирин вспомнила вдруг, как в детстве чуть не сожгла кухню, усилив огонь в плите. И поняла, что гордиться таким, пожалуй, не стоит. А потом припомнилось, как к ним с матерью приходил несколько раз в гости толстый противный советник наместника с козлиной бородой — она даже не поняла, отчего это он вдруг начал задыхаться, а мать выгнала ее прочь из комнаты. Было ли это случайностью? Теперь уже так не казалось. Но и кричать о своих способностях не хотелось. Мало ли, как имперцы захотят использовать подобный потенциал? — проснулась паранойя. Какой бы ни была очаровательной и любезной эта женщина, в первую очередь, она именно политик. И будет отстаивать интересы своей страны.

— Вижу, ты задумалась. Не стану выспрашивать, что ты вспомнила, да это сейчас и не важно. Подведу разговор к тому, к чему и собиралась. Только теперь у меня будут для тебя два предложения. Во-первых, нападение на женщину строго карается в империи. Нападение с целью насилия, грабежа, убийства — это смертная казнь. Ты заставила себя уважать, Дейирин. Выбирай наказание для них сама. Вернее, выбирай наказание для этой предательницы и бандитов. Их хозяина в любом случае ожидает казнь и конфискация имущества в императорскую казну. И во-вторых... Вначале я хотела одарить тебя деньгами и, может быть, завербовать. Но теперь я считаю, что тебе нужно уехать в империю. Там у тебя будет возможность и найти своих родителей, и выучиться, и стать по-настоящему востребованным специалистом.

Это было... Вот ты тащишь воз с тяжелой поклажей в гору, дорога кажется тебе бесконечной, цель — далекой и безнадежной, ведь у тебя просто не хватает сил. А потом вдруг оказывается, что груз исчез, тебе подарили крылья, а вершина сияет перед глазами.

Эта женщина за несколько джид разговора подарила ей то, что не смог никто, — надежду. Возможность взлететь. Измениться. Стать собой настоящей.

— Я не знаю, как только...

— Не спешి выражать благодарность. Все это я могу предоставить лишь полноправной гражданке Льяш-Таэ. И я могу тебе это дать. Но мне нужно одно. — Сердце кольнула тревога. Ты и забыла, что ничто не дается просто так. Раскрыла рот.

Что она потребует? Ну, не молчите же! — Чтобы ты отреклась от этой страны. Публично. При всех. И также публично в тот же момент я приму у тебя присягу империи. Ты будешь примером, знаменем. И я сумею тебя защитить и доставить через портал. Место, где тебя ждала участь рабыни — на исполнение мечты.

Честь и верность. Сердце и разум. Семья и любовь. Ее крылья, ее возможность, ее мечта? Чем она заплатит? Не упадет ли она в худшую ловушку?

Жизнь одна. И выбирать придется сейчас, вычеркивая что-то навсегда и навсегда оставляя позади прошлые, относительно беззаботные годы.

Глава 3 ВЫБОР

Каждый человек — творец своей судьбы.

Гай Саллюстий

Страшно себе представить, что от твоего выбора решится так много. Но еще противнее ощущать, что ты трусишь. Вот она, мечта, только руку протяни. Но поменять так резко свою привычную, скучную, устоявшуюся жизнь?

А вишневые глаза смотрят, пытаются душу. Насмешливые, мудрые, понимающие. И словно ей совсем неинтересно, *что* выберет подобранная птичка пустыни. Впрочем, сколько таких птичек проходило перед ее глазами?

Сказать, что подумает? Возмутиться? Лицемерить? Нет. Раз уж решила — принимай ответственность. Она вскинула голову, твердо сжимая губы, уже собираясь произнести, и... получила согласный кивок.

— Не скрою, я рада такому твоему решению и была в нем уверена. Желаете, чтобы это произошло сейчас?

Искорки в чужих глазах. Испытующий прищур. Легкое напряжение, которого в другое время она бы просто не заметила.

Дана Сиаллиа ее проверяла, вот только что она хотела увидеть на этот раз? Какого поступка ждала? Беглый взгляд на себя мгновенно принес ответ. Не зря прошли уроки матери, ох не зря. Она-то думала, что уже не пригодятся...

— Дана, — чуть склонить голову в знак просьбы, но не унижаясь, — боюсь, что мне неуместно будет появиться в подобном наряде.

И это мягко говоря. Страшно представить, какие последствия повлечет за собой неуважительное отношение к чужой жизни и к такому моменту, как признание власти победителя. Нет, легкомысленное бальное платье... Хорошо, пусть не бальное, но все равно, слишком чужое... Одним словом, совершенно не годится!

— Я прошу дать мне другую одежду, я думаю, это не затруднит вас, госпожа, а мне поможет сохранить лицо.

— И какую же?

Снова эти искорки золота в глазах. Длинные пальцы ловко теребят кажущийся игрушечным кинжальчик. Судя по всему, вопрос был верным. Женщина довольна, это ощущается.

Неожиданно в крови забурлил азарт, словно ей нравилось играть в такие опасные головоломки. А может, только в такие играть и стоило? Чем выше ставка, тем слаще победа? Какие же странные мысли. Никогда раньше она не замечала за собой таких порывов, неужели и правда папочкина кровь просыпается?

— Простую внешне, но дорогую. Похожую на военную, но гражданскую. Может быть, брюки, сапоги, рубашка, колет? Простите, я не очень хорошо знакома с вашей модой.

Холодная замкнутость чужого лица. Минутный испуг — ошиблась? Нет.

Легкая, почти незаметная улыбка.

— Умница.

Послышалось?

— А теперь идите, алли. Линья вас проводит и поможет переодеться. Через пятнадцать рий за вами зайдет мой адъютант.

— Рий?

— О... — Женщина чуть нахмурилась, отложив кинжальчик в сторону. — Прости. По-вашему это будет тридцать пальм, но тебе стоит привыкать к мерам империи. — И снова это молчаливое, странное предупреждение.

— Конечно, дана. Я полагаю, что чем скорее я привыкну к своей новой родине, тем будет лучше, — твердо отвечает, намеренно обрезая последние ниточки невидимого моста. Ни к чему тут долгие прощания.

И пусть немного боязно, пусть будет даже страшно и больно. Она должна идти вперед и не оглядываться. Это не ее мир. Больше нет. А собакам собачья смерть.

Легко сказать и трудно сделать. Судить всегда страшно. И стоять на помосте перед огромной толпой страшно вдвойне. Чувствовать на себе внимательные, любопытные, ненавидящие и даже восхищенные взгляды. Дейирин смотрела на тех, кто чуть не уничтожил ее честь, ее надежды — и не чувствовала больше поглощающей душу ненависти. Лишь жалость. Оборванные, избитые, стоящие на коленях. Даже Олейну не пожалели. Или ее — особенно? Не любит империя предателей, судя по виду бывшей подружки.

Линья приготовила изумительный полувоенный костюм из странной, мягкой и выглядящей очень строго и очень дорого ткани. Он был почти черного цвета, с небольшими вставками под цвет глаз. И если платье вызвало восхищение и трепетный девичий восторг, то из костюма вылезать уже просто не хотелось. Прикипел, как вторая кожа. А еще говорят, что женщины не могут в брюках выглядеть женственно. Видимо, это были какие-то неправильные брюки...

Так Дейирин отвлекала себя, стараясь не смотреть на маячившую перед глазами виселицу. Речь командующей благополучно прошла мимо ее внимания, вот уже раздались негодующие крики, вот дана кивает ей, приказывая приблизиться, а в голове по-прежнему пусто.

Что же делать? — бьется пойманной птицей вопрос. Что? Как не вызвать взрыва и наказать? Как себя поставить? Как переступить через себя? Кем станет она, произнеся этот приговор? Ведь ясно же, что имперцы свою волю все равно исполнят. И не стоит забывать, что лишь спустя несколько рий ей суждено стать одной из них.

Шаг, другой. По ком зазвонит сегодня колокол на главной башне? Причудливы нити судьбы.

— Приветствую вас, граждане Райлдорта! — разносится гулко над площадью (видимо, постарались маги Льяшэссов) звонкий, но чуть хриловатый голос. — Сегодня я говорю с вами не как гражданка королевства, но как личность, как женщина, которую предали, на чью честь и достоинство покушались. Как та, мать которой вы знали много лет. — И не будем говорить, что точно так же не любили и презирали. Щеки горели, глаза щипало — от ветра? От непролитых слез? — И ко-

торая бескорыстно помогала вам и вашим детям. Уверена, никто из вас не хотел бы вашим детям такой судьбы. Уверена, все вы осознаете... — Голос сорвался. Так даже лучше. Рин вскинула заблестевшие глаза, чувствуя, как невидимая волна вдохновения подхватывает ее, унося вперед, как стучит в висках и сжимается сердце. — Важно сделать шаг... осознать необходимость сотрудничества... продвинутые технологии... благоденствие государства — это счастье для его новых граждан... готова послужить примером...

Лица, лица, лица... Кто смотрит с ненавистью, кто с презрением, кто с недоумением, а кто с жадным, липким восхищением — так, что хочется немедленно скрыться прочь от этих взглядов или врезать под дых. Она путает слова, повторяет фразы, ведь это для нее впервые.

Ветер треплет волосы, рисует узоры в воздухе, дергает плащ так, что тот облепляет фигуру.

— И поэтому сейчас я принимаю важнейшее решение в моей жизни. Вы можете оставаться на месте, погрязнув в ненависти и предрассудках, а можете забыть тех, кто унижал вас, сделал из вас пустое место. — Она видит, что в глазах юных девушек загорается огонь, многие молодые парни мечтают вырваться из захолустья, мечтают о чем-то новом. Еще умеют мечтать. — Вы можете пойти вперед. Стать частью чего-то неизведанного. Увидеть новые миры. Выучиться. Все что угодно. Все, на что хватит ваших сил. Я не стану никого уговаривать. Я, Дейирин Кариано Атран, отрекаюсь от королевства Райлдорт. Нога моя не ступит на эти земли, жизнь моя не станет его частью, душа моя не принадлежит ему, кровь моих потомков не будет течь в жилах его детей. Клянусь своим родом и своей Силой!

А также я выношу свой приговор. За предательство и подлость, за осквернение дара дружбы, за добровольный и осознанный сговор с преступником девица Олейна приговаривается...

Хотелось откашляться. А еще вернуться в далекое детство, где никто не ждал от нее сложных решений. Женская мягкость просила помилования, но иная, более жестокая суть понимала, что это невозможно. Не вернуть прошлое, как утраченную невинность. Все будет обманом. За подлость надо платить.

— ...Приговаривается к пятнадцати годам работы на рудниках в качестве обслуживающего персонала.

Ее выворачивало от скабрезных смешков — все понимали, что на рудниках женщин мало. Прачки, поварихи, уборщицы — это приговор для женщины. Приговор более жестокий, чем смертный. Не смотреть — может, тогда покажется, что это сон? Что-то внутри щекочет. Дальше легче. Заморозить чувства — они не стоят ее слез и ее гнева.

— За нападение, преступные намерения, покушение на убийство Аргин и Ристар Жирнулы приговариваются к пожизненному заключению на иллириевых рудниках. Да будет так! Я сказала!

Рудники металла, насыщенного антимагическими частицами. Отсроченный смертный приговор. И не скажешь потом, что за язык тянули, над душой стояли. Не переложить ответственность.

Она ждала этого момента. Ждала, надеялась, боялась. Никто так и не объяснил, что же должно случиться. По венам пробежал жар. Показалось, что винно-багряные пряди вспыхнули пламенем, которое отразилось на кончиках пальцев. Этот жар, сменяющийся колким, обжигающим уже по-другому холодом. Мертвящим. Пронизывающим. Словно нечто, неподвластное сознанию, попыталось выглянуть наружу, улыбнуться или оскалиться. Ему было любопытно. И от этого внимания на плечи опускалась незримая тяжесть.

Жар стучал в висках, холод вымораживал сердце. Не двинуться. Не закричать. Нельзя прерывать церемонию. Больно. Так, что еле дышится. Все остальные звуки слышны лишь фоном. И мерещится, что от тела расползаются прозрачно-льдистые лучи, охватывая его паутиной, по прожилкам которой ползет ослепительная темнота.

— Принимаю!

Как холодный ушат воды и глоток воздуха. Боль отступает, неохотно уползает, как исчезает и чужое пугающее внимание.

Она по-прежнему стоит на залитом солнцем балконе. И когда-то уже успела опуститься на колени перед леди командующей. Мерцающие глаза женщины смотрят внимательно и чуть тревожно, словно она не совсем понимает, что именно только что произошло.

— Будь частью великой империи Льяш-Таэ и носи это звание с честью, — договаривает дана Сиаллиа.

Два офицера, стоящие рядом с ней, коротко отдают честь, коснувшись рукой груди, и три ладони касаются ее вытянутой

руки. Короткий укол — и вокруг пальца, подкрепленный магией трех имперцев, обвивается знакомый змей со штандартов.

Все. Теперь она полноправный гражданин империи. Придется учиться и осваиваться в новой роли.

Придется давиться от криков по ночам — потому что забыть то, что сделала, она не в силах. И все же Дейирин не сомневалась ни на секунду, что поступила правильно. Шакалам — воздаяние. Все правильно. Больно. Мерзко.

А солнце нагло сияет, разбрызгивая огненные языки по небу, стирая грусть, прекрасное, равнодушное к человеческим дразгам и проблемам.

Интерлюдия первая
О ДРУЖБЕ, ВИНЕ И НЕПРОСТОМ ХАРАКТЕРЕ
НАСЛЕДНИКА

Друг — это одна душа, живущая в двух телах.
Аристотель

*Империя Льяш-Таэ, столица Съяншэс,
императорский дворец*

Тишина. Прохлада. Мягкие сумерки. Там, за стенами управления суетится народ, призывно кричат разносчики газет, сверкают огнями маленькие кафе, забегаловки и рестораны, торопятся по своим делам кумушки, сплетничают даны, неторопливо готовятся к званым ужинам в своих городских усадьбах знатные господа.

Впрочем, в здании управления порядка тоже кипит жизнь, но на этом этаже тихо. Никто не решается беспокоить обозленное начальство. Обыватели занимаются своими делами и не знают, что по столице вновь прокатилась волна странных смертей — так уже было несколько десятков лет назад. Пропавшие без вести. Словно уснувшие на месте без единого следа насилия. Жестоко изуродованные. Между ними не было зримой связи, но он точно знал — есть. Только никак не получается ухватить за кончик этого проклятого следа.

Скрывать все это получалось уже с огромным трудом, и Нильяр был в ярости. Еще и Илшиарден куда-то запропас-

тился. Обычно друг не позволял себе подобной халатности, он дневал и ночевал на службе.

Хлопнула далеко в коридоре дверь, но шагов он не услышал. Впрочем, беспокоиться не было нужды. Мужчина прикрыл вспыхнувшие ртутным серебром глаза, откидываясь на спинку кресла. В дверь осторожно постучали и, дождавшись чуть раздраженного шипения, поспешно вошли.

Высокий иршас с густыми пепельными волосами, заплетенными в тугую косу, и холодным волевым лицом коротко поклонился, дождался небрежного взмаха рукой и опустился в соседнее кресло.

Еще мгновение он старался быть спокойным, чинным, ледяным, как необходимо было по его положению и происхождению, но не выдержал, вспыхнул, тонкие губы дрогнули в сверкающей улыбке, которая впервые за долгие годы отразилась в искрящихся золотом глазах.

Нильяр дрогнул при виде того, как острые прозрачные когти царапают поверхность кресла, а по скулам ползет чешуя — никогда еще друг не терял настолько присутствие духа.

— Нашел, Нир, я ее нашел... — измученно-счастливое и тут же поспешное: — Прости, что пропал, не предупредив. Знаю, что обстановка сейчас отвратительная, но я просто не смог удержаться!

— Хорошо. — Лицо, не скрытое маской, не выдавало, однако, ни малейшей эмоции. — Это все просто прекрасно. Я даже рад за тебя, мой друг... в глубине души. — Мужчина склонил голову, замерев. Вкрадчивый шепот ал-шаа́ был хуже наказания. — Но это все не отменяет того, что ты, аррш, покинул свой пост самовольно! Ты! Ты забыл уже, что с тобой произошло? Безумным стать хочешь?

Нильяр понимал, что поступает неправильно, но ярость — родовая ярость, гордость, страх за близкого и злость на себя выплеснулись вспышкой Силы. Побледневшее лицо Илша, от которого вмиг отхлынули краски. Закушенная клыками от боли губа. Пальцы, беспомощно царапающие ошейник. Слипшиеся от пота волосы. Но остановило его не это, а смиренная покорность в глазах всегда несгибаемого существа. Это было настолько мерзко и неправильно, настолько напомнило *тот* день, что принц, дернувшись, разорвал контакт. Не выдержал, бросился к другу, легко касаясь пальцами багровых полос на

шее, но, щадя его гордость, не стал опускать закрывающий шею ворот.

— Прости, — глухо, — я зарвался.

— Ничего, alli. — На бледных губах мелькнула и пропала горькая улыбка. — Я понимаю твой гнев.

— Нет, faege mio, это я твой вечный должник. Веду себя, как неуравновешенный подросток. Ты тот, перед кем мне не зазорно встать на колени.

Золотые глаза напротив вспыхнули сверкающим янтарем, обожгли теплом. Его простили.

— Тебе надо больше отдыхать, Нир, ты еле сидишь, — уже серьезно заметил иршас, не сводя с принца внимательного взгляда.

Илшиарден был, наверное, единственным существом, кроме отца наследника, кому позволено было разговаривать с ним в таком тоне. Слишком многое их связывало. Узы крепче и сильнее родственных. Друг был ближе младшего брата и сестры, ближе императора и императрицы. А он, ненавидя собственную ошибку, выместил гнев на том, кто пострадал тогда сильнее всего.

Вздыхнул, стирая пальцами с висков паутинку усталости, и вернулся назад в кресло.

— Ш-што? — От волнения сбился на шипение. — Что ты хотел мне сказать и о ком?

Вязкая, дикая попытка извиниться без слов. Когда не знаешь, что сказать еще, и не знаешь, как сказать. Слушать, только слушать — жадно, внимательно, не перебивая. Вглядываясь в осунувшееся лицо и пытаясь подавить чувство вины. Горькое, мерзкое, правильное.

Со звонким щелчком распахивается створка окна, впуская струю воздуха, ворвавшегося по-летнему теплым ветерком с привкусом зацветающих терпких цветов аллиа, светлых и ярких, как охватывающая душу печаль. О том, чего уже никому и никогда не дано изменить.

Пальцы против воли тянутся вперед, стискивая чужую руку, сжимая холодные пальцы. Разговор без слов. Прощение... прощание? К счастью, нет.

Озабоченный взгляд и морщинки на лбу. Тень покорности в глазах, от которой хочется завывать волком. Но пока нельзя ничего сделать. И даже рассказать никому нельзя. И отцу. Императору. Ему — особенно.

— Я помогу. Знаю, тебе больно, — вырывается отрывистая фраза. — Позволишь?

— Ладно, — натянутая усмешка.

Мужчина чуть склоняет голову, кладя лоб на согнутые в локте руки. Словно несколько минут назад не он был настолько оживлен.

— Расскажешь все-таки?

Тихий выдох сквозь зубы.

— Да. Ты же сам отозвал меня с задания два десятка лет назад, помнишь?

— Конечно. Тогда случилось первое убийство.

— Вот. — Золотые глаза затуманились, словно он пытался вернуться на много лет назад. — Я говорил, что полюбил. Но я так и не решился тебе сказать, что она моя истинная, моя избранница, понимаешь? Вернее, стала ей. Я проверял.

Назвал бы безумием прежде, но не теперь. Вот что сохранило его рассудок, что позволило сохранить себя и даже магию. Это многое объясняет.

Пальцы осторожно отогнули ворот мундира, распустили шейный платок. Он не поморщился, касаясь пальцами воспаленной, кровоточащей кожи, которую сжимала тонкая металлическая полоса. Прохладные пальцы касались кожи легко — и от них зелеными змейками расходились пронырливые искры, подлечивая кожу и снимая воспаление. Плохо, тут нагноение... Нильяр покачал головой, делая знак Илшу не шевелиться.

— Потерпишь?

— Куда я денусь...

Рану надо обработать, а снимать ничего нельзя. Не впервой, впрочем. И давить, душить чувство вины и собственной беспомощности не впервой.

Друг словно почувствовал. Хотя почему — словно? Слишком давно они рядом друг с другом, кровная связь практически стала эмпатической.

— Если она твоя истинная и осталась ею спустя столько лет, значит, она должна быть прекрасна. Дождалась? — без капли сомнения спросил наследник.

— Да. Вот только совсем мне не рада.

И все же на губах мужчины играет почти мальчишеская счастливая улыбка. Любить — счастье. Только вот от любви

дуреют, а наследнику этого не позволено. Так же как и карри Илшиардену.

Но пусть он лучше улыбается, чем смотрит на то, как, обезболив, Нильяр осторожно вскрывает скальпелем нарыв — целитель из него аховый, но на раны друга магии не жалко. И руки не дрожат, вовсе нет, и даже на сердце почти не тяжело.

— Мне пришлось скрутить ее в змеиной форме и прыгать сразу к стационарному порталу. Царапалась, как кошка. Не хочет теперь со мной разговаривать и злиться. И все-таки смотрит на меня, как и прежде. Почти. Возможно, годы разлуки пошли нам только на пользу, избавив от иллюзий.

— Она злится потому, что ты шпионил, или потому, что исчез?

— Потому что исчез, — затаенное тепло в голосе. — Попробуй иногда пойми этих женщин. То злится, то целоваться лезет.

Протереть, наложить тампон, заклеить, еще раз обезболить.

— Все, можешь выпрямляться. Постарайся только не натирать.

Нильяр отворачивается, смотрит в окно. Ветер, словно любовница, нежно касается щеки, растрепывая волосы, приятно холодит кожу, не скрытую маской.

— Ты так и не можешь себя простить, Нир, — ударяет в спину.

— А ты? Ты смог бы? — срывается звериным рыком.

— Это я должен тебя защищать, а не наоборот. Ты сам сказал — это мелочь, все уладится. А кто бы снимал проклятие с тебя? Кто? Молчишь? Понимаешь, сколько бы ты натворил, прежде чем...

— Я все понимаю, — почти равнодушно, — но давай все же поговорим о деле.

Да, неумелая попытка. Какой смысл обсуждать? В какой раз?

— Давай... — Илшиарден устраивается посвободнее, не застегивая пока ворот — здесь скрываться не от кого, да и боль явно отпускает. — Сколько в мое отсутствие?..

Он не настаивает на продолжении, но дает понять, что разговор не окончен. Не в этот раз. Не будет ничего хорошего, если Нильяр продолжит есть себя поедом за вторую серьезную

в своей жизни промашку. Даже не промашку, нет, просто за то, что не смог просчитать всего на свете.

Уютный диван в бежевых тонах, небольшой столик со стуэткой в виде раскрытой книги и два бокала чистого и сладкого ашарсэ настраивали вполне на деловой лад.

Все было хорошо. Если забыть об искалеченных мертвцах. О еще не оконченной войне. О том, что под него и принца слишком активно копают. О том, как ошейник сжимает горло, чтобы он сам не наделал глупостей.

О том, что ему с Нильяром необходимо сделать немного больше, чем невозможное, чтобы огромная страна спала спокойно.

И о том, что лицо наследника вновь превращается в холодную бесстрастную маску, а в таком состоянии он никого к себе не подпустит. Иногда Илшиарден ловил себя на том, что до сих пор толком не знает друга. За все эти десятки, сотни лет Нильяр ни разу полностью не раскрылся. Даже перед ним. Ядовитый, резкий, опасный. Слишком опасный, чтобы иметь его врагом. Вот только он не бьет в спину. Если и змей, то действительно императорского рода.

Глава 4

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ИМПЕРИЮ

Всегда хорошо там, где нас нет.
Но это поправимо.

*Из хроник императорского дома
Льяш-Таэ*

Выехала она только на следующее утро, вечером пришлось вернуться домой и собрать немногочисленные действительно необходимые вещи. Их оказалось не так уж и много. Пара простых платьев, несколько пар брюк и рубашек, короткая куртка, так полюбившийся ей полувоенный камзол и то самое коктейльное платье, в которое — подумать только — всего лишь вчера одевала ее Линья. Мелочи вроде стандартного походного набора, несколько амулетов, которыми ее снабдили офицеры главнокомандующей, и кьярш — клинку подобрали достойные ножны.

Запаса еды в походном рюкзаке хватило бы на неделю умеренного питания, а в империи трактиры и постоянные дворы встречались довольно часто, особенно на основных трактах неподалеку от столицы. Впрочем, до столицы надо было еще добраться. Стационарный портал из бывшего королевства выходил к трем небольшим деревням, как ей сказали, выдав карту. На ней было четко видно, что путь в столицу идет через огромные территории, называемые пустошами Кейджукайнен. Вернее, можно было бы пустоши и обойти, но тогда путь удлинился бы раза в три. Слишком долго. Она и сама не понимала — долго для чего? У нее ведь не было никакого точного плана, кроме желания учиться. Где? Как туда поступать? Сколько вообще в столице империи учебных заведений? Съяншэс огромен, так что наверняка много, очень много. А ведь она даже толком не знает, что именно хочет изучать.

Размышляя таким образом, Дейирин, уже сама называвшая себя вслед за большинством имперцев «Рин», не заметила, как они приблизились к portalу. Стоящая неподалеку охрана пропустила их молча, удовольствовавшись пропуском ее сопровождающего.

Полностью пустое, огромное — даже сравнить не с чем — помещение, в котором, казалось, не было потолка. Только мерцали в дальнем краю порталные арки — воздушно-легкие, мечтой о сверкающем волшебстве и сказке взметающиеся в безмятежно-голубые небеса. Вот по сводам арки прошла одна волна, вторая, третья — и зеркало прохода, вспыхнув, открылось.

— Удачи! — негромко пожелал ей мужчина в темном мундире.

Бледно-зеленый от усталости дежурный маг коротко кивнул. Рин оглянулась в самый последний раз, чтобы запечатлеть в памяти далекие барханы песков, сверкающие круглые крыши и полуденное марево. Почему-то казалось, что теперь она увидит все это еще не скоро, если увидит вообще. Жаль не было — она уходила именно для того, чтобы никогда больше не возвращаться в эту так и не ставшую родной страну.

Было чуть боязно и безумно любопытно, когда она шагнула в этот кисельный туман, впившийся в кожу тысячью иголок. Переход произошел быстро и практически безболезненно, только немного закружилась голова. Она пошатнулась, и была тут же подхвачена чей-то твердой рукой.

ГЛОССАРИЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ

Кейджужайнен — запретные волшебные пустоши народа фэйри, закрытые для всех, кроме иршасов.

Льяш-Гаэ — империя иршасов, объединившая в себе множество других земель.

Райлпорт — аннексированное южное королевство в соседнем мире, ставшее провинцией империи, южные земли континента Таэра.

ЭТИКЕТ

алли — обращение к незнатной девушке, также обращение слуг к господам

дан — обращение к высшим аристократам

данэ — вежливое обращение

дир — обращение ко всем мелким аристократам, чаще к людям

ишэ — обращение к незнакомым мужчинам

таи — обращение в армии командира к нижестоящему офицеру

шас — приставка к имени в клане иршасов

шианнэ — приставка-обращение, используется во внутреннем, близком круге иршасов, не связанных одной кровью

ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ

этари — чуть меньше секунды

итор — час; в сутках двадцать семь иторов

рий — две наших минуты

тари — полсекунды

змейц — месяц

ПРОЧИЕ ТЕРМИНЫ

alli (древнеириш.) — кровный брат, близкое по духу существо

faere tío (древнеириш.) — дословно «связанный со мной», «моя единая кровь»

гербовый браслет — браслет воина регулярной императорской армии, есть как у солдат, так и у офицеров, отличаются лишь по форме, размеру и узору, у офицеров, как правило, индивидуальному

джаббе — наемник, уголовник из низов

инар — обучающийся студент военной части академии

иршас, иршасса — раса змеелюдей

карри (карриарш) — герцогский титул в империи. Всего карри в империи тринадцать

кшерт — оружие

къяри — кинжал

маэн — учитель

миэль — обращение «ученик, младший»

ссар — небольшой чешуйчатый ящер, кожа которого является магически непроницаемой, а потому популярна в качестве материала для создания артефактов и одежды

тайтэ — общеимперский язык, распространен по всей территории Льяш-Гаэ. Считается официальным языком империи, есть диалекты

трау — темные эльфы

шарсар — древний исконный язык иршасов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. УЧЕНИЦА	9
Часть вторая. ЩИТ НАСЛЕДНИКА	190
<i>Этилог</i>	338
Г л о с с а р и й	343